

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1963.2.03>

## КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ФИННОВ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ

В. АЛЕКСЕЕВ,

кандидат исторических наук

Как известно, факт принадлежности эстонского языка к финно-угорской языковой семье оказал значительное влияние на первых антропологов, писавших об антропологическом типе эстонцев. — И. Блуменбаха и П. Брока, и эстонцы вместе с другими финно-уграми были отнесены к монголоидной расе. Такое утверждение имело историческое оправдание как в полном отсутствии антропологических данных, собранных среди эстонского народа, так и в неразработанности критериев для отнесения антропологического типа какой-либо народности к той или иной расе первого порядка. Непосредственные исследования физического типа эстонского народа, проводившиеся в основном немецкими специалистами, использовались для обоснования идей расовой «неполноценности» народов Прибалтики по сравнению с немцами и мало меняли теоретические установки «монголоидной» гипотезы.<sup>1</sup> Заслуга ее опровержения принадлежит исследователям XX века, из которых в первую очередь должен быть назван Ю. М. Ауль, собравший огромный материал по соматологии различных территориальных групп эстонского народа, до сих пор, к сожалению, остающийся полностью неопубликованным.<sup>2</sup> Наконец, полевые исследования антропологического отряда Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, проведенные в 1952—1954 годах на территории всех прибалтийских республик, не только заполнили имевшиеся лакуны в антропологическом изучении Прибалтики<sup>3</sup>, но и имели своим результатом широкое сопоставление антропологических данных с этноисторическими и использование их для

<sup>1</sup> См. критический разбор этих работ в статье К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

<sup>2</sup> См. библиографию работ Ю. М. Ауля в книге М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. 2. М., 1959, стр. 132—134.

<sup>3</sup> Н. Н. Чебоксаров, Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики (по материалам прибалтийской этнографо-антропологической экспедиции). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXIII. М., 1954; М. В. Витов, Антропологические типы современного населения Прибалтики. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии). М., 1955; его же, Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952—1954 гг.). Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. 1. М., 1959; Р. Я. Денисова, Антропологический тип ливов. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии). М., 1955; ее же, Антропологический тип ливов. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXII. М., 1956; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики.

решения проблем этногенеза современных народов Прибалтики, в частности эстонского народа.<sup>4</sup>

Параллельно с изучением современного антропологического состава эстонского народа шло накопление данных по палеоантропологии Эстонии, также имеющее почти столетнюю давность.<sup>5</sup> Но особенно интенсивное накопление палеоантропологических материалов падает на последние годы. Они получили обстоятельную характеристику в ряде работ К. Ю. Марк.<sup>6</sup> Наконец, ею же описаны обширные материалы по краниологии эстонцев последних веков II тысячелетия н. э. — непосредственных предков различных современных территориальных групп эстонского народа, позволяющие сопоставить результаты палеоантропологического и соматологического исследования.<sup>7</sup> Таким образом, имеющиеся данные дают возможность всесторонне разработать проблемы происхождения и этнической истории эстонского народа в свете антропологических материалов. Однако это не означает, что последние не нуждаются в пополнении.

Специфика антропологических материалов заключается в том, что их эффективность возрастает пропорционально широте охваченной исследованием территории и количеству сопоставляемых групп. С этой точки зрения большое значение для изучения вопросов этногенеза и этнической истории эстонского народа приобретают антропологические данные по народам Прибалтики, Скандинавии и севера европейской части СССР и, в частности, по другим народам, говорящим на прибалтийско-финских языках. Особенно велика роль краниологических данных, так как они собираются по строго оговоренным программам, не зависят от методических расхождений между различными исследователями и дают возможность точного сопоставления разных антропологических типов. Известный интерес в этой связи представляет, как нам кажется, краниологический материал по финнам.

Первые работы по краниологии финского народа принадлежат перу Г. Ретциуса.<sup>8</sup> Им описаны несколько десятков мужских черепов современных финнов из разных областей Финляндии. Данные по другой обширной серии черепов современных финнов также из разных районов Финляндии были опубликованы К. Хельстеном.<sup>9</sup> Кроме работ Г. Ретциуса и К. Хельстена можно указать еще на ряд публикаций по краниологии финского народа, но они содержат описание лишь единичных черепов, измерен-

<sup>4</sup> Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этнической истории Советской Прибалтики в свете новых антропологических и этнографических данных. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXIII, 1954; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики.

<sup>5</sup> О состоянии разработки проблем этногенеза народов Прибалтики в свете антропологических материалов до работы антропологического отряда Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции см. Н. Н. Чебоксаров, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, XII, 1950.

<sup>6</sup> Характеристику палеоантропологических работ прошлого и начала нашего века см. М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики, стр. 146—235. Там же см. библиографию.

<sup>7</sup> К. Марк, Paleoantropoloogilistest uurimistest Eesti NSV-s. «Известия АН Эстонской ССР» 1953, № 4; К. Ю. Марк, Новые данные по палеоантропологии Эстонской ССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXIII, М., 1954; ее же, Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике. «Известия АН Эстонской ССР. Серия обществ. наук» 1956, № 1; ее же, Палеоантропология Эстонской ССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXII, М., 1956; ее же, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии; К. Марк, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen im Ostbaltikum. «Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja», t. 59, 1958, № 4.

<sup>8</sup> См. три последние работы, указанные в предыдущем примечании.

<sup>9</sup> G. Retzius, Matériaux pour servir à la connaissance des caractères ethniques des races finnoises. Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques, 7-e session, Stockholm, 1874; ео же, Finska Kranier. Stockholm, 1878.

<sup>9</sup> K. Hällstén, Matériaux pour servir à la connaissance des crânes des peuples finnois. Bidrag till kannedom af Finlands natur och folk, utgifna af finska veteskafts-societeten, N. 35, 40, 52. Helsinki, 1881—1893.

ных по очень краткой программе.<sup>10</sup> Все эти материалы были использованы Дж. Морантом, вычислившим суммарные средние по финской серии на основании опубликованных до него индивидуальных измерений отдельных черепов.<sup>11</sup> Этой серией, составившейся из черепов, происходящих из разных районов Финляндии и измеренных разными исследователями, практически исчерпывается наша информация о краниологическом типе финнов. Но в данных Дж. Моранта в соответствии с уровнем работ, которыми он пользовался и которые были написаны в конце прошлого века, отсутствует характеристика многих важных признаков, имеющих первостепенное значение для разграничения антропологических типов. Многие черепа, описанные в свое время К. Хельстеном, были повторно измерены Г. Ф. Дебецом, изучившим за время своей работы в музеях Хельсинки в 1960 году также новые краниологические материалы по финнам, полученные за последние годы. Им определены и те признаки, которые вошли в практику краниометрических работ за последние десятилетия. Однако данные Г. Ф. Дебеца остаются пока неопубликованными.

Находящийся в нашем распоряжении материал по краниологии финнов составлен из черепов, хранящихся на кафедре анатомии Военно-медицинской академии и в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде, а также Государственном музее антропологии МГУ в Москве. Они относятся к населению разных, преимущественно южных районов Финляндии и финскому населению окрестностей Выборга. Не исключено, что часть материала относится к финскому населению Ленинградской области, называвшемуся в старой этнографической литературе ингерманландцами. Как известно, еще А. Лербергом было высказано предположение о том, что ингерманландцы представляют собою якобы слившихся воедино и ижору,<sup>12</sup> отвергнутое в ходе дальнейших исследований, показавших самостоятельное существование последних.<sup>13</sup> Представление о том, что ленинградские финны — обособленная группа, являющаяся остатком самостоятельных племенных объединений эпохи позднего средневековья, и сейчас встречается в этнографической литературе.<sup>14</sup> Однако исторически засвидетельствованный факт поселения собственно финнов на территории нынешней Ленинградской области в XVII веке мешает принять эту точку зрения.<sup>15</sup> Она не находит опоры и в лингвистических и этнографических данных, свидетельствующих о большой культурной и языковой близости ленинградских финнов к финнам Финляндии, сохранивших ее до недавнего времени и утративших ее только под воздействием культуры и языка окружающего русского населения.<sup>16</sup> Но так или иначе, в нашем материале черепа «ингерманландцев» составляют меньшинство, и серию в целом можно считать достаточно представительной для характеристики современного краниологического типа финского народа. Это оправдывается и ее датировкой. Черепа получены либо при мацерации трупов в конце XIX — самом начале XX веков, либо при раскопках кладбищ конца XVIII — начала XIX веков. Таким образом, весь материал в основном относится к XIX веку.

В нашем распоряжении оказались 71 мужской и 22 женских черепа, средние измерения которых по основным признакам с характеризующими их параметрами пред-

<sup>10</sup> См. библиографию этих работ: G. M. Morant (with assistance from M. A. Hoadley), A study of the recently excavated Spitalfields crania. *Biometrika*, vol. XXIII, part I—II. London, 1931.

<sup>11</sup> См. предыдущее примечание.

<sup>12</sup> A. Lehrberg, Über die Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte Neu-Finnlands. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands. St.-Petersburg, 1816; русское издание А. Х. Лерберга, Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.

<sup>13</sup> См. А. И. Андреев, Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР. Финноугорский сборник. Л., 1928.

<sup>14</sup> См., например, С. А. Токарев, Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 126.

<sup>15</sup> См. П. А. Аристе, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

<sup>16</sup> См. Н. Н. Поппе, Этнографическое изучение финноугорских народов СССР. Финноугорский сборник. Л., 1928.

Таблица 1

## Средние размеры исследованных черепов финнов

Пол	♂				♀				
	Параметры	N	M	S	m(M)	N	M	S	m(M)
1. Продольный диаметр	71	182,4	6,99	0,83	22	175,2	5,41	1,18	
8. Поперечный диаметр	71	143,7	4,68	0,56	22	140,2	4,86	1,06	
8:1. Черепной указатель	71	78,8	3,53	0,42	22	80,0	3,59	0,78	
17. Высотный диаметр от базиса	66	133,8	5,61	0,69	21	128,8	6,41	1,44	
5. Длина основания черепа	70	101,4	4,32	0,52	22	96,1	4,53	0,99	
9. Наименьшая ширина лба	71	99,1	5,14	0,61	22	94,4	3,90	0,85	
32. Угол лба назион-метопион	66	85,3	4,82	0,59	22	85,5	4,66	1,02	
Надбровье (1—6 по Мартину)	71	2,80	—	—	22	2,05	—	—	
40. Длина основания лица	68	99,8	5,30	0,64	21	92,1	5,00	1,12	
45. Скуловая ширина	69	132,5	5,18	0,62	18	125,2	5,06	1,23	
48. Верхняя высота лица	69	70,7	4,06	0,49	21	66,4	4,67	1,04	
51. Ширина орбиты от максиллофронтале (лев.)	70	42,9	1,91	0,23	22	41,2	2,01	0,44	
52. Высота орбиты (лев.)	70	33,1	2,18	0,26	22	32,5	2,37	0,52	
54. Ширина носа	69	25,5	1,81	0,22	22	24,3	1,64	0,36	
55. Высота носа	69	52,1	2,97	0,36	22	49,1	3,38	0,74	
Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)	69	59,4	—	—	21	71,4	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., мм)	69	5,6	1,95	0,23	22	5,0	1,97	0,43	
Дакриальная хорда	62	22,3	2,45	0,31	20	21,0	1,76	0,40	
Дакриальная высота	62	12,6	1,33	0,17	20	11,2	1,25	0,29	
Дакриальный указатель	62	57,3	8,16	1,04	20	53,6	6,85	1,57	
Симотическая хорда	69	9,9	1,86	0,22	21	9,2	2,11	0,47	
Симотическая высота	69	4,6	1,22	0,15	21	3,9	1,03	0,23	
Симотический указатель	69	46,8	9,33	1,12	21	43,1	8,58	1,92	
72. Угол профиля лица общий	69	83,3	3,44	0,41	21	84,9	3,29	0,74	
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	68	28,3	4,92	0,60	20	25,6	4,73	1,08	
77. Назомалярный угол	71	140,1	4,38	0,52	22	139,3	4,44	0,97	
Зигомаксиллярный угол	68	126,3	5,04	0,61	20	126,7	5,30	1,22	

ставлены в табл. 1. Серия в целом отличается крупными размерами и массивным строением черепной коробки. Единственный диаметр, попадающий в категорию средних величин, — высота черепной коробки. Преобладает мезокраниальный вариант, то есть черепа, по соотношению горизонтальных диаметров черепной коробки, занимающие среднее положение между крайними длинноголовыми и круглоголовыми формами. Первые на севере Европы представлены шведами, вторые — лопарями. В общем, по величине диаметров черепной коробки и их соотношениям исследованные черепа финнов практически не отличаются от известных нам эстонских краниологических серий, также занимающих промежуточное положение. Это сходство не следует переоценивать. Сходное строение черепной коробки часто бывает характерно для типов, не связанных генетическим родством и имеющих разное происхождение. Но в данном случае этот факт имеет известное значение, так как речь идет о народах, близкое родство которых демонстрируется всеми видами исторических источников.

Наибольшее внимание должно быть уделено лицевым размерам, играющим основную роль в разграничении расовых типов. В первую очередь нужно отметить европеоидное строение лицевого скелета. Оно выражается в резкой горизонтальной профилировке лица и сильном выступании носовых костей. Размеры лица невелики и соответствуют обычным вариациям узколицых типов европеоидной расы. Лицевой скелет ортогнатен, т. е. мало выступает в вертикальной плоскости, что также составляет одну из характерных особенностей краниологических типов европеоидной расы. Также обычны для них наблюдаемые на финских черепах высотные и широтные раз-

Таблица 2

## Сопоставление финнов с другими финноязычными народами по краниологическим данным ♂

Группы	Финны	Эстонцы	Ижора	Удмурты северные	Удмурты южные	Мари луговые	Мари горные	Мордва-терюхане	Мордва-эря	Мордва-мокша
Количество случаев (наибольшее)	71	48	5	34	60	26	39	12	42	5
1. Продольный диаметр	182,4	181,2	183,7	177,1	174,4	180,5	185,1	178,9	179,3	185,4
8. Поперечный диаметр	143,7	141,5	144,5	145,2	142,3	141,6	140,3	141,8	143,1	142,2
8:1. Черепной указатель	78,8	77,9	78,7	81,8	81,6	78,5	76,1	79,6	79,9	76,9
17. Высотный диаметр от базиса	133,8	135,0	139,9	133,8	133,3	132,1	137,4	135,0	134,7	133,4
5. Длина основания черепа	101,4	100,5	102,8	101,7	99,7	98,5	103,3	104,7	100,8	102,2
9. Наименьшая ширина лба	99,1	96,1	100,2	94,7	94,0	95,6	98,1	94,2	96,6	98,2
32. Угол лба назион-метопион	85,3	83,9	82,4	84,4	87,2	87,1	83,2	82,4	84,4	83,8
Надбровье (1—6 по Мартину)	2,80	3,63	3,80	2,65	2,55	2,90	3,15	3,20	3,38	3,20
40. Длина основания лица	99,8	96,7	96,8	97,6	95,0	95,0	100,0	98,8	95,8	96,2
45. Скуловая ширина	132,5	132,9	138,8	133,6	131,6	131,5	134,9	132,3	132,8	136,4
48. Верхняя высота лица	70,7	69,2	72,2	71,8	70,3	70,0	70,5	69,8	70,6	74,2
51. Ширина орбиты от максиллофронтале (лев.)	42,9	41,4	42,8	42,0	41,1	40,0	41,9	40,5	41,3	40,9
52. Высота орбиты (лев.)	33,1	31,2	32,4	34,0	32,8	32,8	32,7	33,4	32,7	34,2
54. Ширина носа	25,5	24,9	24,2	23,2	24,3	24,6	26,1	24,5	24,7	24,4
55. Высота носа	52,1	50,2	50,4	53,0	51,0	49,6	51,8	52,7	50,5	52,6
Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)	59,4	57,1	100,0	81,2	55,2	60,0	55,6	72,7	80,9	60,0
Глубина клыковой ямки (лев., мм)	5,6	5,4	3,8	6,1	5,8	5,4	4,8	6,3	6,0	3,9
Дакриальная хорда	22,3	22,6	21,9	19,4	21,4	23,2	22,5	19,1	22,1	22,3
Дакриальная высота	12,6	12,9	13,3	11,8	12,4	11,1	11,2	11,9	11,8	13,4
Дакриальный указатель	57,3	59,3	60,9	61,1	56,9	48,0	49,9	61,8	53,8	58,8
Симотическая хорда	9,9	10,2	8,3	8,2	8,4	8,3	8,3	8,1	9,2	9,0
Симотическая высота	4,6	4,5	5,3	4,1	3,8	3,4	3,8	3,7	4,0	4,1
Симотический указатель	46,8	45,3	65,7	51,5	45,7	40,5	45,6	45,1	43,4	45,9
72. Угол профиля лица общий	83,3	84,9	84,3	84,2	86,3	85,8	84,5	85,5	85,6	86,8
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	28,3	29,2	32,0	27,0	27,2	21,2	26,2	26,2	27,9	27,0
77. Назомалярный угол	140,1	139,6	134,5	141,9	141,9	141,5	142,0	141,9	140,4	138,0
Зигомаксиллярный угол	126,3	127,7	126,5	128,4	129,5	131,0	129,6	128,6	128,5	128,5

меры носа и орбит, а также их соотношение. В общем, и в строении лицевого скелета финны не отличаются от эстонцев.

Однако констатация этого факта мало продвигает вперед решение интересующих нас вопросов происхождения эстонского и финского народов. Он приобретает известное значение только в том случае, если будет показано, что сходство это специфично, а основные особенности физического типа финнов и эстонцев характерны только для них и отличают их от других народов. Проверка этого обстоятельства требует привлечения краниологических данных по другим этническим группам, в первую очередь финской языковой группы финно-угорской языковой семьи (табл. 2 и 3). Для этого использованы материалы К. Ю. Марк по эстонцам,<sup>17</sup> Е. В. Жирова — по ижоре,<sup>18</sup>

<sup>17</sup> См. работы, указанные в примечании 6.

<sup>18</sup> Е. В. Ж и р о в, Древние ижорские черепа. «Сов. археология», 1937, № 2. Дополнительные измерения дакриальных и симотических размеров, а также углов горизонтальной профилировки лицевого скелета и носовых костей к линии профиля произведены автором настоящего сообщения.

Таблица 3

## Сопоставление финнов с другими финноязычными народами по краниологическим данным ♀

Группы	Финны	Эстонцы	Ижора	Удмурты северные	Удмурты южные	Мари луговые	Мари горные	Мордва-терюхане	Мордва-эрзя	Мордва-мокша
Количество случаев (наибольшее)	22	38	7	34	43	20	35	5	29	11
1. Продольный диаметр	175,2	177,1	174,4	168,9	168,7	175,1	175,4	168,4	174,1	177,0
8. Поперечный диаметр	140,2	138,7	138,4	138,7	137,8	137,8	136,7	138,2	137,7	136,6
8:1. Черепной указатель	80,0	78,2	79,4	82,1	81,9	78,7	78,0	82,1	79,2	78,2
17. Высотный диаметр от базиона	128,8	129,4	131,1	130,7	128,1	124,9	130,1	131,2	129,9	127,1
5. Длина основания черепа	96,1	95,1	95,2	96,8	96,3	94,8	97,5	95,0	96,6	96,5
9. Наименьшая ширина лба	94,4	94,7	95,7	92,8	91,6	93,2	94,0	92,8	94,8	95,5
32. Угол лба назион-метопион	85,5	88,0	87,0	88,9	88,4	87,5	85,7	86,5	86,0	85,8
Надбровье (1—6 по Мартину)	2,05	2,26	2,00	2,61	1,57	1,77	1,79	2,00	1,55	2,09
40. Длина основания лица	92,1	91,7	90,2	92,8	92,6	92,3	94,7	88,0	91,5	94,3
45. Скуловая ширина	125,2	124,4	125,3	126,7	124,6	123,4	125,0	122,2	125,3	125,1
48. Верхняя высота лица	66,4	64,8	64,8	66,6	67,1	66,8	67,4	64,2	68,4	67,8
51. Ширина орбиты от максиллофронтале (лев.)	41,2	40,1	39,8	40,0	39,9	39,3	39,9	38,7	40,5	40,3
52. Высота орбиты (лев.)	32,5	31,3	31,3	31,8	32,1	32,6	32,7	32,6	33,6	32,7
54. Ширина носа	24,3	24,0	24,3	24,8	24,0	24,2	24,8	23,5	24,1	25,3
55. Высота носа	49,1	47,8	47,9	48,5	48,9	47,5	49,4	47,0	49,3	49,5
Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)	71,4	60,7	100,0	72,7	72,7	68,4	71,4	75,0	96,5	90,0
Глубина клыковой ямки (лев., мм)	5,0	4,4	3,8	4,9	5,4	4,4	5,1	3,9	5,3	4,7
Дакриальная хорда	21,0	21,3	22,8	20,5	21,0	21,6	21,5	19,2	21,1	21,8
Дакриальная высота	11,2	11,5	12,6	10,5	11,0	10,0	11,1	10,3	11,3	11,3
Дакриальный указатель	53,6	51,4	55,4	51,6	52,7	46,7	51,7	53,7	54,0	51,9
Симотическая хорда	9,2	9,4	8,4	8,4	8,6	9,0	8,6	8,5	9,2	10,0
Симотическая высота	3,9	3,9	4,2	3,1	3,2	3,3	3,5	3,8	3,8	4,4
Симотический указатель	43,1	41,2	51,9	38,5	37,6	36,6	41,0	44,9	40,9	44,3
72. Угол профиля лица общий	84,9	85,5	83,4	84,9	85,5	84,6	84,3	86,5	85,3	85,3
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	25,6	26,6	30,4	23,2	23,6	18,3	23,3	24,7	24,1	23,9
77. Назомаларный угол	139,3	139,7	139,1	143,2	144,0	140,9	142,0	138,8	141,3	140,3
Зигомаксиллярный угол	126,7	129,2	127,0	129,7	130,2	129,7	130,1	127,5	127,8	127,7

М. С. Акимовой и Т. И. Алексеевой — по поволжским финнам.<sup>19</sup> Чтобы не затруднять сопоставление рассмотрением второстепенных деталей, в частности, мелких локальных различий в краниологическом типе эстонцев, данные об эстонских краниологических сериях из могильников XVII—XVIII веков в Кабина (б. Тартуский район), Ряпина (б. Пылваский район) и Кохтла-Ярве суммированы. Таким образом, в сопоставлении фигурирует объединенная серия черепов из восточных районов Эстонии, отстоящая от современности не более чем на два века. Иными словами, сопоставляемые серии финнов и эстонцев почти одновременны, что избавляет нас от необходимости

<sup>19</sup> М. С. Акимова, Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР (предварительное сообщение). Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, XXIX, 1958; ее же, Краниологическая характеристика мордвы-эрзя. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. LXIII, М., 1960; ее же, Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья. «Вопросы антропологии», вып. 7, 1961; Т. И. Алексеева, Черепа из Муранского могильника. «Сов. антропология», 1959, № 1.

Таблица 4

## Сопоставление финноязычных народов по степени выраженности монголоидных особенностей (краниологические данные)

Группы	Финны	Эстонцы	Ижора	Удмурты северные	Удмурты южные	Мари луговые	Мари горные	Мордва-терюхане	Мордва-эрзя	Мордва-мокша
77. Назомалярный угол	30,4	28,3	10,9	49,3	51,4	39,9	45,7	37,7	37,0	28,4
Зигмаксиллярный угол	5,4	16,9	7,8	21,7	25,9	29,5	26,5	15,7	16,3	14,5
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	35,4	28,5	7,6	45,6	43,7	80,4	48,1	44,3	39,9	43,7
Дакриальная высота	17,4	10,9	-4,3	34,8	21,7	47,8	39,1	34,8	28,3	13,0
Дакриальный указатель	25,5	24,5	23,6	22,7	29,2	64,4	48,1	12,0	35,2	30,1
Симотическая высота	4,2	8,3	-12,5	33,3	37,5	54,2	33,3	33,3	25,0	4,2
Симотический указатель	33,9	39,5	-24,9	31,3	45,1	59,2	38,6	36,1	44,6	27,9
Итого	21,7	22,4	1,2	34,1	36,4	53,6	39,9	30,6	32,3	23,1

учитывать фактор времени, влияющий иногда на результаты сопоставления при сравнении признаков, подверженных направленным эпохальным изменениям. К сожалению, другие привлекаемые материалы имеют разную датировку. Черепа мордвы-эрзя датируются XVI—XVII веками, мордвы-мокши — XVIII веком, мордвы-терюхан — XVI—XVII веками, удмуртов и марийцев — XVII—XIX веками, т. е. более или менее синхронны финской и эстонской сериям. Но ижорская серия происходит из могильника, относящегося к XIII—XV векам.<sup>20</sup> Следует сразу же отметить, что некоторые особенности ижорских черепов — большие размеры высотного диаметра и массивность черепной коробки, большая ширина лицевого скелета, очевидно, проистекают за счет их более раннего возраста. Трудность сравнения неодновременных материалов усугубляется малочисленностью некоторых серий — мордвы-мокши, мордвы-терюхан, ижоры. Поэтому при характеристике мордвы основное внимание должно быть обращено на группу мордвы-эрзя, а ижорской серией вообще следует пользоваться с большой осторожностью.

В первую очередь представляет интерес сравнение всех групп по таким особенностям, которые характеризуют степень выраженности монголоидных признаков в группе и помогают составить представление об удельном весе монголоидного компонента в ее антропологическом составе. Для этого все группы сопоставлены по углам горизонтальной профилировки лица, углу носовых костей к линии лицевого профиля и высоте переносья (табл. 4). Способ сопоставления описан в другой нашей работе и дал хорошие результаты при рассмотрении вопроса о монголоидной примеси в составе населения восточной Латвии.<sup>21</sup> Он заключается в суммировании наблюдений по всем вышеперечисленным признакам и по обоим полам с целью получения коэффициента, характеризующего общую уплощенность лицевого скелета и носовых костей в масштабе различий между монголоидными и европеоидными группами. Применение такого способа сопоставления может вызвать возражения, как всякое «усреднение» данных, но в данном случае оно оправдано наличием исторической корреляции между сопоставляемыми признаками, т. е. закономерным изменением их в связи с уменьшением или, наоборот, увеличением доли монголоидного компонента в популяции.<sup>22</sup> Закономерное географическое распределение этих признаков на обширной территории Запад-

<sup>20</sup> В. И. Равдоникас, Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчине). Сообщ. ГАИМК, 1932, № 1—2.

<sup>21</sup> В. П. Алексеев, Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей. «Сов. этнография» 1961, № 6.

<sup>22</sup> См. Г. Ф. Дебеч, О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. «Сов. этнография» 1961, № 6.

ной Сибири, Восточной Европы и Прибалтики, выражающееся в уменьшении углов горизонтальной профилировки, а также увеличении угла носовых костей к линии профиля и высотных размеров переноса по направлению с востока на запад, также позволяет производить суммарное сравнение уплощенности лица и носа в разных группах. Разумеется, при этом делается допущение об одинаковом значении всех взятых для сопоставления признаков для разграничения антропологических типов, само по себе являющееся гипотетичным. Но такое допущение кажется весьма правдоподобным, если учесть, что именно по этим признакам представители европеоидной и монголоидной рас отличаются друг от друга в наибольшей степени.<sup>23</sup> Таким образом, суммарный коэффициент, по-видимому, действительно отражает соотношение монголоидного и европеоидного компонентов в каждой сопоставляемой группе. Возрастные его величины указывает на увеличение удельного веса монголоидного компонента, уменьшение — на увеличение доли европеоидного компонента. Для ясности подчеркнем, что нулевые или близкие к ним значения коэффициента падают на европеоидные группы, среди которых монголоидная примесь полностью отсутствует, например армян, значения, близкие к 100, фиксируются среди классических сибирских монголоидов — тунгусов, бурят.

Каковы результаты сопоставления? Очевидно, что по степени выраженности монголоидных особенностей эстонцы и финны не отличаются друг от друга и представляют собою тождественную группу. Суммарное сравнение подтверждает, следовательно, то наблюдение, которое было сделано при рассмотрении вариаций основных признаков черепной коробки и лицевого скелета в финской и эстонской сериях. Кстати сказать, другая более обширная серия финских черепов, исследованная Г. Ф. Дебецом в музеях Финляндии, характеризуется величиной коэффициента 24,9, что практически означает полное совпадение с нашими материалами.<sup>24</sup> При сравнении эстонцев и финнов с ижорой и поволжскими финнами видно, что они занимают промежуточное положение между теми и другими. По отношению к ижоре можно с достаточной определенностью утверждать, что монголоидная примесь в их составе отсутствует. Следует только еще раз подчеркнуть, что находящаяся в нашем распоряжении серия черепов отстоит от современности приблизительно на половину тысячелетия и ни в коей мере не может считаться представительной для характеристики современного населения. Что же касается поволжских финнов, то в их составе монголоидная примесь выявляется вполне отчетливо. Таким образом, краниологические данные находятся в полном соответствии с результатами исследования современного населения, свидетельствующими о большей выраженности монголоидных особенностей у прибалтийско-финских народов по сравнению с поволжско-финскими. До последних лет полностью сравнимые соматические данные по народам Прибалтики и Поволжья, собранные одним исследователем, отсутствовали, но в настоящее время этот пробел восполнен К. Ю. Марк, принимавшей участие в работе антропологического отряда Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции и в то же время изучившей большое количество финских групп Поволжья.<sup>25</sup>

Вариации признаков, дифференцирующих антропологические типы внутри больших рас, также не тождественны в разных группах. Обе группы марийцев различаются по ширине лица и высоте черепной коробки, удмурты выделяются высоким черепным указателем, все сопоставляемые серии сильно варьируют по ширине и наклону лба, а также по развитию надбровья. Таким образом, антропологические различия между всеми финскими народами проистекают не только за счет разного удельного веса составляющих их монголоидного и европеоидного компонентов, но и вследствие участия в формировании их антропологического типа различных типов второго порядка внутри монголоидного и европеоидного стволов. Варианты, вошедшие в состав фин-

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> За любезное предоставление неопубликованных материалов приношу Г. Ф. Дебецу глубокую благодарность.

<sup>25</sup> К. Ю. Марк, Этническая антропология мордвы. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. LXIII. М., 1960.

ских народностей Поволжья, получили в антропологической литературе наименование субуральских.<sup>26</sup> Они сформировались в процессе широкого и длительного смешения представителей европеоидной и монголоидной рас.<sup>27</sup> Эстонцы и финны входят в зону распространения восточных вариантов балтийской или северной ветви европеоидной расы. Автор защищает гипотезу формирования этих вариантов при небольшом участии монголоидной примеси, следуя в этом отношении за Е. В. Жировым<sup>28</sup>, Г. Ф. Дебецом<sup>29</sup> и Н. Н. Чебоксаровым.<sup>30</sup> Противоположная гипотеза, защищаемая В. П. Якимовым, основывается только на рассмотрении палеоантропологических данных и не учитывает в должной мере соматологических материалов.<sup>31</sup>

Каковы более частные заключения, непосредственно касающиеся вопросов происхождения финского и эстонского народов и вытекающие из находящегося в нашем распоряжении краниологического материала? Прежде всего, почти полное тождество краниологического типа этих народов свидетельствует об общих источниках их этногенеза, о формировании в единой этнической среде. Совершенно очевидно, что племенные объединения эпохи средневековья, из которых сложился финский народ, в первую очередь емь, были близки к северному и южному племенным объединениям эстов. Такая близость, как известно, находит себе подтверждение и в данных языкознания. Финский язык обнаруживает специфическое сходство с северо-восточным или прибрежным диалектом эстонского языка.<sup>32</sup> Антропологические материалы свидетельствуют, что специфичность этого сходства не случайна: исключительное сходство эстонцев и финнов в физических признаках не распространяется на все прибалтийско-финские народы, как это могло бы показаться заранее — вспомним резкую выраженность особенностей европеоидной расы у ижоры. Таким образом, при рассмотрении проблемы генетического родства финского и эстонского народов следует помнить, что сходство между ними больше, чем, скажем, между финнами и ижорой или эстонцами и ижорой. Было бы интересно распространить этот вывод на другие прибалтийско-финские группы, но этому мешает отсутствие по ним краниологических данных и неполнота соматологических.

Итак, основные выводы могут быть сформулированы следующим образом:

1. Удельный вес монголоидной примеси в составе прибалтийско-финских народов заметно меньше, чем в составе финских народов Поволжья.
2. Тем не менее, она отчетливо прослеживается в составе финнов и эстонцев, где ее пропорция приблизительно одинакова.
3. Поскольку одинаковое соотношение европеоидного и монголоидного компонентов у этих народов сопровождается близким сходством по всему комплексу признаков, постольку есть основания утверждать, что это сходство специфично в пределах прибалтийско-финских народов и характерно только для финнов и эстонцев, отделяя их от финноязычных соседей.

<sup>26</sup> В. В. Бунак, Антропологический тип черемис. «Русский антр. журнал», т. XIII, 1924, № 3—4.

<sup>27</sup> См. В. П. Алексеев, О смешенном происхождении уральской расы. Вопросы археологии Урала, вып. 1 Свердловск, 1961.

<sup>28</sup> Е. В. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. Кр. сообщ. Ин-та истории матер. культуры АН СССР, VI, 1940.

<sup>29</sup> Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. IV. М.—Л., 1948, стр. 92—95, 316.

<sup>30</sup> Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии. «Антр. журнал» 1936, № 2; его же, Основные принципы антропологических классификаций. Тр. Ин-та этнографии (нов. серия), т. XVI. М., 1951.

<sup>31</sup> В. П. Якимов, Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXII. М., 1956.

<sup>32</sup> П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков и древний период их развития; А. Х. Каск, К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов. Сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

4. Это обстоятельство должно непременно приниматься во внимание при рассмотрении проблемы происхождения и генетических связей эстонского и финского народов, а также вообще учитываться при определении степени генетической близости народов прибалтийско-финской группы угро-финской языковой семьи друг с другом.

*Институт этнографии  
Академии наук СССР*

Поступила в редакцию  
30. X 1962

## SOOMLASTE KRANILOOGILISEST TÜÜBIST JA MÕNINGATEST LÄÄNEMERE-SOOME RAHVASTE PÄRITOLU KÜSIMUSTEST

V. Aleksejev,

ajalooteaduste kandidaat

### *Resümee*

Eesti rahva kohta olemasolevaid somatoloogilisi ja kraniooloogilisi materjale on iseloomustatud paljudes põhjalikes uurimustes. Samuti on korduvalt läbi töötatud paleoantropoloogilised andmed Eesti alalt ning saadud ülevaade antropoloogiliste tüüpide ajaloost sellel territooriumil alates neoliitikumist ja lõpetades keskajaga. Teiste läänemeresoome rahvaste kohta aga ei ole antropoloogilisi materjale piisavalt. Esijoones kehtib see kraniooloogiliste andmete kohta, mida kogutakse rangelt kokkulepitud kava kohaselt, mis ei sõltu eri uurijate vahelistest meetoodilistest lahkiminekutest ja pakuvad võimalust mitmesuguste antropoloogiliste tüüpide täpseks kõrvutamiseks.

Autor on uurinud soomlaste kraniooloogilist materjali, mida säilitatakse Sõjaväe Arstiteaduse Akadeemia anatoomia kateedris, NSV Liidu Teaduste Akadeemia Antropoloogia ja Etnograafia Muuseumis ja Moskva Riikliku Ülikooli Antropoloogia Muuseumis ning koosneb 71 mehe ja 22 naise koljust, mis kuuluvad mitmesuguste Soome osade, peaaesjalikult Lõuna-Soome alade ja Viiburi ümbruskonna soomlastest elanikele. Kõik koljud pärinevad XVIII sajandi lõpust ja XIX sajandist. Nende kõrvutamine teiste soome sugu rahvaste kohta käivate kraniooloogilise materjaliga lubab väita järgmist.

1. Mongoliidse segu erikaal on läänemeresoome rahvastel märksa väiksem kui Volga-äärsetel soome sugu rahvastel.
2. Sellest hoolimata on mongoliidne segu selgesti jälgitav soomlaste ja eestlaste juures, kusjuures ta esineb ligikaudu ühesuguses proportsioonis.
3. Kuna euroopiidseid ja mongoliidseid komponente esineb nende rahvaste juures ühtlaselt ning sellele kaasneb kogu tunnuste kompleksi lähedane sarnasus, siis on alust väita, et see sarnasus piirdub vaid läänemeresoome rahvastega ning on iseloomulik ainult soomlastele ja eestlastele, eristades neid läänemeresoome keeli rääkivatest naaberriidest.
4. Seda asjaolu tuleb tingimata silmas pidada eesti ja soome rahva päritolu ja geneetiliste sidemete käsitlemisel ning arvestada läänemeresoome rühma ja soome-ugri keelte perse kuuluvate rahvaste vastastikuse geneetilise lähedusastme määramisel.

*NSV Liidu Teaduste Akadeemia  
Etnograafia Instituut*

Saabus toimetusse  
30. X 1962

## ÜBER DEN KRANILOGISCHEN TYP DER FINNEN UND ÜBER EINIGE FRAGEN DER HERKUNFT OSTSEEFINNISCHER VÖLKER

W. Aleksejew

### *Zusammenfassung*

Die aufs estnische Volk bezüglichen somatologischen und kranioologischen Materialien sind in vielen ausführlichen Untersuchungen charakterisiert worden. Auch sind das estnische Gebiet betreffende paleoanthropologische Angaben wiederholt durchgearbeitet worden, wodurch wir heutzutage eine Übersicht über die Geschichte der anthropologischen Typen auf diesem Territorium — vom Neolithikum bis zum Mittelalter — besitzen. Über

die anderen ostseefinnischen Völker liegen uns aber keine genügenden anthropologischen Angaben vor. Das gilt vor allem für kranilogische Angaben, einem streng geregelten Programm gemäss gesammelt, methodischen Verschiedenheiten in der Arbeit einzelner Forscher nicht unterliegend und den genauen Vergleich verschiedener anthropologischer Typen ermöglichend.

Der Verfasser benutzte die kranilogischen Sammlungen des Anatomiekatheders bei der militärischen Medizinakademie und des anthropologischen und ethnographischen Museums der Akademie der Wissenschaften der UdSSR, sowie die des anthropologischen Museums bei der Moskauer Staatlichen Universität. Er untersuchte insgesamt 71 männliche und 22 weibliche Schädel aus verschiedenen Teilen Finnlands, hauptsächlich aus Südfinnland und von finnischen Bewohnern der Umgebung von Viborg (Viipuri). Sämtliche Schädel gehören dem Ende des 18. Jhs. und dem 19. Jh. an. Ihr Vergleich mit dem kranilogischen Material der anderen finnischen Völker lässt folgendes behaupten.

1. Der Anteil mongolider Elemente ist bei den ostseefinnischen Völkern bedeutend geringer als bei den finnischen Völkern des Wolgalandes.

2. Trotzdem können die mongoliden Elemente bei den Finnen und Esten deutlich verfolgt werden, und zwar annähernd in der gleichen Proportion.

3. Da die europiden und die mongoliden Komponenten bei diesen Völkern gleichmässig vorkommen und sich daran eine grosse Ähnlichkeit der Gesamtheit der Merkmale schliesst, so liegt aller Grund vor zu behaupten, dass sich diese Ähnlichkeit nur auf die ostseefinnischen Völker beschränkt und nur für die Finnen und Esten charakteristisch ist, indem sie diese beiden Völker von den anderen ostseefinnische Sprachen redenden Nachbarn unterscheidet.

4. Dieser Umstand ist bei der Untersuchung der Herkunft und der genetischen Verbindungen der Esten und Finnen unbedingt zu berücksichtigen, namentlich auch bei der Bestimmung des gegenseitigen genetischen Verwandtschaftsgrades der ostseefinnischen Gruppe und der finnisch-ugrische Sprachen redenden Völker.

*Ethnographisches Institut  
der Akademie der Wissenschaften der UdSSR*

Eingegangen am  
30. Okt. 1962